

Памяти протоіерея Алексѣя Михайловича Колыбелина.

Надъ свѣжей могилой о. протоіерея, пока неосѣвшая земля еще несовсѣмъ придавила гробовую доску, пока образъ почившаго не подернулся дымкой забвенія, этого неразлучнаго спутника памяти человѣческой, считаемъ благовременнымъ сказать нѣсколько словъ. Если о всякомъ умершемъ прилично говорить только хорошее, то о служителѣ Слова и носителѣ благодати священства надлежитъ говорить только то, что можетъ служить къ наставленію и наученію. Свѣтильникъ, особенно долго стоявшій на высокомъ свѣчницѣ, не потушается заразъ, а, догорѣвъ, даетъ нѣкоторый отблескъ. Этотъ от-

блескъ какъ бы нѣкоторое загробное мерцаніе земной жизни пастыря, и дается въ поучительныхъ о немъ воспоминаніяхъ.

Обратимъ прежде всего свой взоръ къ тому времени, когда полагались задатки всей послѣдующей жизни о. протоіерея. Появился онъ, какъ извѣстно, въ семьѣ сельскаго священника, обремененнаго большимъ семействомъ. Жизнь вблизи храма въ благочестивой обстановкѣ сельскаго пастыря, какъ она была поставлена встарь, положила особую печать на почившаго о. протоіерея и опредѣлила его дальнѣйшую судьбу. Кто видѣлъ покойнаго въ церковномъ предстоительствѣ, кто слышалъ его звучный голосъ и образцовое служеніе, тотъ не могъ не испытывать особаго умиленія; присутствовать при совершеніи о. протоіереемъ церковныхъ службъ значило наслаждаться богослуженіемъ. Такое впечатлѣніе могъ производить только тотъ, кто получилъ задатки религіознаго воспитанія съ раннихъ лѣтъ жизни, кто съ дѣтства развивался и воспитывался около церкви Божіей, кто выросъ въ тѣсномъ общеніи со святынями, въ атмосферѣ кадила дима, церковнаго пѣнія и уставныхъ церковныхъ службъ. Едва достигнувъ отроческихъ лѣтъ, почившій о. протоіерей поступаетъ въ духовное училище и въ продолженіи многихъ лѣтъ выноситъ тяготы прежней духовной школы, съ какими она была въ своемъ дореформенномъ видѣ. При окончаніи средняго образованія талантливый многообѣщающій юноша останавливается на распутіи: имъ овладѣваетъ глубокое раздумье. Нужно замѣтить, что тогда близились памятные шестидесятые годы, тяжелые для русской церкви и русскаго духовенства. То было время движенія образованнаго общества въ сторону, противоположную основамъ прежней жизни, время забвенія религіозныхъ интересовъ, равнодушно-презрительнаго отношенія къ духовному сословію. Этотъ общій духъ коснулся и духовнаго юношества. Все, что такъ или иначе выдѣлялось изъ среды, что было талантливо, все это потянулось отъ церкви въ сторону, въ другія вѣдомства, потянулось служить другимъ господамъ. Но такое въ высшей степени обидное для духовенства и вредное для церкви явленіе не захватило покойнаго о. протоіерея. Видно много перешло къ нему и съ родомъ и съ воспитані-

емъ духа церковности, любви и приверженности къ своему „худородному“ сословію, чтобы не поддаться общему повальному увлеченію. Вотъ онъ окончилъ высшую духовную школу и поступилъ наставникомъ въ свою родную семинарію. Въ то время вводились новыя штаты, полагалось существенное измѣненіе въ жизни учительскаго персонала и для него занималась заря новой улучшенной жизни. Но молодой талантливый учитель не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Та любовь къ храму Божію, которая перешла къ нему съ матерью и которая на высшей степени развитія вызвала у псалмопѣвца слова: *какъ возжеланны жилища Твои, Господи силъ, истомилась душа моя, желая во дворы Господни* (Пс. LXXXIII, 2, 3) побуждала покойнаго домогаться священнаго сана. Тогда это дѣлалось не такъ просто. По установившемуся порядку профессоръ семинаріи, какъ самый обыкновенный школьникъ, долженъ былъ сдавать экзаменъ, долженъ былъ ствѣчать по катехизису, пѣть предъ архіереемъ „Господи воззвахъ“, писать поученіе на заданную тему. И всѣ эти испытанія превозмогъ почившій, чтобы ближе быть къ престолу Божію. Оставивъ обязанности и званіе профессора семинаріи, онъ становится приходскимъ городскимъ священникомъ.

Немного покойный о. протоіерей оставался рядовымъ священникомъ. Таланты его не могли вмѣститься въ тѣсной рамкѣ скромнаго служебнаго положенія: они были слишкомъ велики и блестящи, чтобы укрыться отъ того святителя, который правилъ въ то время калужской епархіей. Высокопреосвященнѣйшій Григорій II поставилъ покойнаго о. протоіерея во главѣ духовенства и епархіальнаго управленія и онъ съ тѣхъ поръ въ теченіи тридцати лѣтъ почти до самаго послѣдняго времени неизмѣнно оставался на высотѣ своего положенія. Правленія высокопреосвященнаго архіепископа Григорія было особенно плодотворно для калужской епархіи. Будучи высокой благочестивой жизни, всегда справедливый и милостивый, онъ въ теченіи своего почти тридцатилѣтняго управленія калужской епархіей положилъ особый отпечатокъ на духовенство, такъ что ставленники этого архипастыря выгод-

но отличаются отъ другихъ своихъ собратій: псаломщика поѣхи архіепископа Григорія и теперь, напр. можно узнать по его выдержанности, исправности въ исполненіи своихъ обязанностей и главнымъ образомъ знаніи богослужебнаго устава. Въ этой-то школѣ образцоваго архипастыря и воспиталъ свои административныя способности почившій о. протоіерей, онъ же сдѣлался и его правою рукою. Ни одно дѣло въ церковномъ епархіальномъ управленіи не совершалось безъ участія почившаго; на всемъ лежала печать его уравновѣщенной личности. Ослабѣвающія силы архипастыря находили въ покойномъ о. протоіерее опору и послѣдній вѣрно держалъ курсъ, второму всю жизнь слѣдовалъ маститый и старѣющійся владыка. Будучи на высотѣ своего положенія, почившій по естественному ходу вещей не избѣжалъ общей для всѣхъ сильныхъ и многовластныхъ людей участи; его исключительно высокое положеніе возбуждало недобрыя чувства, такъ что нѣкоторые готовы были приписать ему всѣ недостатки тогдашняго церковнаго управленія. Но это обстоятельство не нарушало равновѣсія духовныхъ силъ почившаго о. протоіерея и не выводило его изъ обычной колеи. Никто не помнитъ его гнѣвливымъ, никто не укажетъ случаевъ личныхъ преслѣдованій, столь свойственныхъ людямъ въ его положеніи. Почившій о. протоіерей сохранялъ всегда ровное и спокойное состояніе духа, привѣтливое со всѣми обращеніе. Занимая высокое положеніе, онъ оставался всегда мягкимъ, ласковымъ, предупредительнымъ и доступнымъ. Смерть высокопреосвященнаго Григорія не измѣнила положенія дѣла. Послѣ него во главѣ калужской епархіи становились одинъ за другимъ другіе архипастыри, но у кормила правленія до послѣдняго времени стоялъ почившій о. протоіерей. Все богатство дарованій и силъ онъ посвятилъ духовному управленію и вѣдомству, пока нѣкоторыя обстоятельства въ связи съ преклоннымъ возрастомъ не заставили его отъязаться отъ усиленной дѣятельности.

Здѣсь переходимъ къ послѣднему періоду жизни почившаго о. протоіерея. Недолго былъ этотъ періодъ, но особенно важенъ для покойнаго и назидателенъ для окружавшихъ.

Общественная усиленная дѣятельность почти семидесятилѣтняго старца прервалась какъ-то вынужденно внезапно. Здѣсь же случилось обстоятельство, которое лишило его большей части имущества. Этотъ переломъ въ жизни покойнаго былъ великимъ испытаніемъ и требовалъ страшнаго напряженія силъ; тутъ легко можно было потерять терпѣніе. Но этого послѣдняго не случилось съ покойнымъ; въ немъ сказался сильный духъ, поддерживаемый вѣрою и надеждою на Господа, Которому служилъ всю свою жизнь. Не вырывалось у него ни жалобы, ни вздоха сожалѣнія или осужденія, столь свойственныхъ въ такомъ положеніи. Съ истинно-христіанскимъ чувствомъ и покорностію перенесъ почившій о. протоіерей служебныя невзгоды, но это не прошло ему даромъ. Большое горе сильнаго духомъ человѣка, сосредоточившись внутри, дѣлается еще сильнѣе; это горе, усилившись, надломило могучій организмъ почившаго и повело къ роковой болѣзни. Изъ-за письменнаго рабочаго стола покойный почти тутъ же перешелъ на смертный одръ. Начался тяжелый болѣзненный крестъ; длительный и мучительный недугъ безъ просвѣта, безъ надежды на исцѣленіе медленно подтачивалъ силы болящаго. Опять новое, на этотъ разъ послѣднее и страшное испытаніе; опять потребовался отъ покойнаго громадный запасъ христіанскаго терпѣнія. Этого терпѣнія и при семь испытаніи достало у покойнаго страдальца: ни стоны, ни жалобы, ни ропота не испускали его запекающіяся отъ недуга уста. Видно было, что почившій смотрѣлъ на всѣ эти обстоятельства, какъ на искупленіе вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній; видно силенъ былъ духъ почившаго, когда не сломили его ни удары судьбы, ни болѣзнь, ни преклонный возрастъ. Здѣсь сказалось дѣйствіе христіанскаго воспитанія, какое получилъ почившій, — дѣйствіе того постояннаго общенія со святынями христіанскихъ таинствъ, въ которомъ находился онъ по долгу своего служенія. Но еще болѣе позволительно здѣсь усматривать благодатное поддержаніе свыше, котораго Господь не лишилъ Своего вѣрнаго служителя въ трудныя минуты испытанія. По мѣрѣ того, какъ прекращалась усиленная служебная дѣятельность, уходилъ недостатокъ и

неумолимая болѣзнь изсушала тѣло, духъ покойнаго освобожденъ отъ житейскихъ заботъ и суетныхъ попеченій и устремлялся къ своему Первоисточнику. Поястивъ, это было время, когда внѣшній человѣкъ тлѣлъ, а внутренній обновлялся. Вся гарь суетныхъ житейскихъ отношеній, все временное, ненужное, все это отошло въ сторону во время послѣднихъ испытаній. Смирилось сердце покойнаго, душа его, пройдя чрезъ горнило терпѣнія и страданій, сбросила съ себя всю накипь человѣческихъ страстей, чтобы явиться очищенною къ Неумытному Судии. Все лучшее въ покойномъ, все годное для будущей жизни, все это осталось, очистилось, вышло изъ подъ пепла и налета житейскихъ попеченій. Не ощутителенъ ли въ этомъ концѣ персть Господень, устрояющій путь вѣрному рабу Своему? Не оправдалось ли надъ нимъ требованіе правды Божіей, указующее каждому избраннику въ христіанствѣ тѣсный путь предъочистительныхъ страданій? Не видно ли во всемъ этомъ особой милости Божіей къ вѣрному служителю Своему? Такъ хочется думать и вѣрить въ томъ непреложномъ убѣжденіи, что Господь съ Своей стороны *всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истинны пріити...*

Прот. В. Будиминъ.